

НАТАЛЬЯ
БУЛАНОВА

Академия
«Узумруд»

ЭКЗАМЕН
НА ВЫЖИВАНИЕ
БЫТОВОЙ
ФАКУЛЬТЕТ ВАИ

Annotation

В магической академии я узнала две новости: у меня есть дар, и моя мачеха — ведьма. Теперь мне предстоит решить кучу вопросов. Как снять чары с отца? Как избежать устройства по злодейским связям и найти свое место в академии? И, самое насущное, как пройти испытание, которое превратилось в экзамен на выживание?

•

Annotation

В магической академии я узнала две новости: у меня есть дар, и моя мачеха — ведьма. Теперь мне предстоит решить кучу вопросов. Как снять чары с отца? Как избежать устройства по злодейским связям и найти свое место в академии? И, самое насущное, как пройти испытание, которое превратилось в экзамен на выживание?

Экзамен на выживание. Бытовой факультет ВАИ

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Экзамен на выживание. Бытовой факультет ВАИ

Глава 1

— Обучение с питанием и проживанием, а потом гарантированное трудоустройство? Тетя Женя, это точно мошенники. Неужели вы не понимаете? Я не верила в бесплатный сыр в мышеловке. Судя по глазам мачехи — она тоже, но упрямо собиралась перевязать меня бантиком и отправить восвояси. Она уже стояла с моим старым рюкзаком в руках и запихивала туда мои вещи.

— Зря ты со мной на день открытых дверей не пошла — сама убедилась бы. Когда тебе еще такая возможность подвернется? Ты же знаешь, мы с отцом не можем тебя содержать, ты взрослая. На бюджет не тянешь по оценкам, а платное уже мы не потянем. Отец и так пашет на четырех дочерей, а он далеко не молод и не вечен. Ну да, только трое из четырех — не от него. И все сводные сестры старше меня. Им на платное образование хватило, а мне — нет.

— Не говорите так про него. У папы крепко здоровье.

— Но это не значит, что на его шее должна сидеть такая кобылка, — Тетя Женя умела втаптывать в грязь милейшим тоном.

Папа действительно работает от рассвета и до заката, как заведенный. В отличие от мачехи, которая спит до полудня, ходит к косметологам и на йогу, а на ужин разогревает полуфабрикаты. Когда папе надоедает питаться пельменями, наггетсами, сосисками и макаронами, он просит приготовить для него котлеты с пюрешкой. Мачеха никогда не отказывает, вот только все воплощает в жизнь моими руками.

“Обучение домохозяйству” — так она это называет. И приправляет: “Потом мне еще спасибо скажешь”.

Стирка, уборка, глажка, готовка. А ведь еще учиться надо!

Мне строго настрого было запрещено говорить отцу, что всю работу по дому делала я. Не знаю, как у мачехи это получалось, но стоило мне только начать жаловаться папе, как тетя Женя льнула к нему, горестно всхлипывала и шептала что-то. После всегда все заканчивалось одинаково — я оказывалась виноватой, а “обязанность” — вполне подъемной.

Поначалу я боролась с этой несправедливостью изо всех подростковых сил, но сделала себе только хуже. Мою комнату принцессы растерзали три стервятницы-сестры, сводные вражины. Когда я начала возмущаться, меня и вовсе выселили в коридор, где я спала на раскладушке.

Когда отец увидел это, начала так ругаться, что я довольно распушила хвост, а уже через пять минут выглядела, как мокрая курица. Он соглашался со всем, чтобы не говорила мачеха. Эта женщина уже десять лет сосала из него деньги, а он словно не видел, что нужен ей только для того, чтобы обеспечить ее и дочерей. Ее дочерей. Отца словно одурманили после смерти моей матери.

Самым болезненным было осознание — за меня никто не заступится. Мама умерла, папа потерял голову. Это хорошо подкосило: меня два года шпыняли, унижали, тыкали носом в грязь, как котенка. В это время созрела мечта — поскорее вырасти и жить отдельно, подальше от незнакомца-отца и его новой семьи. А еще жизнь вынудила меня стать хитрой, чтобы выжить среди стерв. Избалованные донельзя, они не могли сделать огромное количество вещей, а жить хотели в чистоте и в сытости, ходить в опрятной одежде, есть нормальную еду, а не полуфабрикаты. И вот тогда я начала выторговывать себе лучшие условия за “услуги” по дому. Например, так я отстояла обратно свою комнату. Да вот только все равно мной крутили, давили, вертели. Я успевала что-то одно: либо выживать, либо учиться.

— Тетя Женя, какой день открытых дверей в сентябре, когда все уже учатся?

— Ты совершеннолетняя. Помнишь, сколько раз мне говорила, что как только стукнет восемнадцать — ноги твоей в доме не будет.

Я на секунду закрыла глаза, стерпев очередной укол. Она любила так делать — давить на слабые места.

Да, я хотела уйти, как только это станет возможным по закону, но потом включила голову. Поняла, что мне нужен минимальный денежный буфер. Не на улицу же я пойду! А еще мне нужно образование, иначе нормальной должности не видать.

— Прочитай, прежде чем говорить! — Мачеха впихнула мне в руки конверт.

Сургучная печать? Бичевка? На оформление не поскупилась.

Я осторожно вскрыла конверт и прочитала:

“Приветствую тебя, будущий маг!

Если ты читаешь эти строки, значит, в тебе есть кусочек нашего мира — магическая искра Ильсарры и артефакт-искатель избрал тебя для обучения в Великой Межмировой Академии Изумруд.

Условия очень просты: ты сам выбираешь свой путь. Как только за тобой закроется дверь, для тебя начнется новая, совершенно непривычная жизнь, полная приключений, тайн и загадок. Ты пройдешь опасное испытание, подготовленное нашими наставниками, и раскроешь свой дар или вернешься к скучному, обыденному существованию.

Помни, ты можешь взять с собой только то, что способен унести.
Если ты готов — просто порви конверт. И да помогут тебе священные звезды Ильсарры!”

...— Что за чушь?

Я перечитала несколько раз, чтобы найти хоть какой-то смысл, но не вышло.

— Не чушь, а возможность. Жалко, конечно, что мои девочки не подошли. Надеюсь, ты не уронишь честь семьи, — вдруг задумчиво рассудила мачеха, будто утонув в своих мыслях.

Эта женщина издевается надо мной? Знает, что я в отчаянии, что не смогла никуда поступить? Мне не нанимали репетиторов, как раньше сестрам. Вместо того, чтобы тратить свободное от уроков время на дополнительное обучение, я драила дом, чтобы быть “благодарной” и иметь возможность спать не в коридоре. И ей еще хватает совести насмеяться над тем, что я теряю минимум год, зарабатывая на первый год в универе?

Очень жестоко с ее стороны!

— Не хочешь? Тогда порви его, — мачеха скупно поджала тонкие губы.

Думает, не сделаю? Поверю в эту чушь и испугаюсь, что меня занесет в какую-то там магическую академию?

Я взялась за середину прямоугольника и потянула в разные стороны, с вызовом глядя на мачеху. Вместо звука рвущейся бумаги я услышала свист ветра в ушах. Тьма лизнула глаза, а когда я моргнула, мир изменился.

Первое, что я почувствовала — это другой воздух. Он совсем иначе наполнил легкие, всего лишь за полвздоха. Второе — небо — оно было настолько ярко-звездным, что просто не могло быть привычным небосводом Земли. Третье, и самое убедительное — я несколько мгновений провисела в воздухе, прежде чем шлепнулась на каменный круг.

Две половинки конверта, которые я зажала в руках, стали рассыпаться по ветру золотой пылью. Она закружилась вокруг меня, а потом желтым ветром пронеслась по кругу, открывая каменные арки, а потом и новое лицо Парень в рыцарском обмундировании сидел у одной из арок, словно раненый боец. Он заметил меня, устало прочистил горло и промямлил, едва открывая глаза:

— Кхэм... Добро пожаловать... в Великую Межмировую... Академию Изумруд, адепт. Проходи быстрее, а то засну и не пущу... Тут до тебя ведьмы были, бабушку их колдунью шлеп. Не люблю ведьм.

И заснул!

Латы полыхнули радужным огнем, и парень тут же звонко вскочил на ноги. Вот только глаза его так и слипались.

— Артефакторы халтурщики, не могли нормальную защиту сделать. Просил же.

И снова заснул, уже стоя, словно лошадь.

Латы снова полыхнули бодрящей радугой. Паренек резко распахнул глаза. Он с явным усилием показал на арки рукой:

— Заходи быстрее, в какую нравится. Я третий раз могу не проснуться так быстро. Эти артефакторы...

И стал оседать, пока не разлегся на каменном круге, и громко захрапел.

Я медленно оглянулась по сторонам. Идти некуда — вокруг эти пресловутые арки, внутри которых клубится туман. Сверху — такое пугающее чужое небо.

У меня один вопрос: как теперь вернуться домой? Но сколько бы я не пыталась разбудить рыцаря, тот засыпал только крепче.

Магии же не существует! Или существует?

За несколько секунд мое мировоззрение перевернулось с ног на голову. Теперь слова мачехи зазвучали совершенно по-другому. Теперь они не казались чушью.

Что она там говорила? Сестры не подошли, а я — да? Что надо не уронить честь семьи?

Получается, она точно знала, куда меня отправляет. Ха! Обучение, питание и проживание включены! Еще бы!

Да она просто превзошла саму себя — отправила меня в другой мир.

Нет уж, она так просто от меня не избавится.

Какая, к столетней пыли, у меня магия? Сейчас быстро всех разочарую и отправлюсь домой.

Что там говорил это железный человек? Надо пройти в арку?

Сколько здесь этих проходов? Шестнадцать?

Осторожно подошла к одной из арок и внимательно изучила туман. Белоснежные клубы будто сталкивались о невидимую преграду и не могли зайти на территорию каменного круга, на котором я стояла. Чтобы проверить, я вытянула руку и с удивлением сжала пальцами бутылочку с ядрено-зеленым содержимым.

— Что стоишь? Заходи! — требовательно позвали из тумана.

Я оглянулась. Парень в латах пускал радужные пузыри. Говорил не он.

Что ж, была не была, посмотрим! Там хотя бы общаются.

Стоило сделать шаг, как туман мгновенно рассеялся, открывая вид на десяток огромных котелков в ряд на изумрудной поляне. В них журчало, шкварчало, дымило, а из одного даже что-то выпрыгивало. Надеюсь, меня, как Конька-Горбунка, не заставят заныривать в них по очереди!

Чуть дальше тянулись самые настоящие грядки, словно из аптекарского городка. Где-то вдалеке с диким ором пролетел темный силуэт на метле, сделал петлю и врезался в землю.

Я прислушалась. Звука падения не было. А, может, он или она упал канаву с водой?

Наверное, бедняге нужна помощь. Боги, я несусь помогать местной Бабе-яге!

Я пробежала мимо трав, что шептали: “иди ко мне”. Пронеслась мимо палок, что шуршали: “собери из меня метлу”. Перепрыгнула через ручей, что умолял: “свари на моей основе зелье”. Я даже остановилась и прислушалась — не показалось ли. Оказалось нет, я либо действительно в магическом мире, либо рехнулась.

Отсюда было видно метлу, что впьявилась черенком в землю, а ветвистой стороной ловила потоки воздуха. Значит, там рядом человек! Или, не совсем человек?

Я бежала до боли в боку, до мушек перед глазами. Мне казалось, очень быстро, но когда прибежала, то обнаружила молодого парня, лежащего на боку на траве. В зубах — травинка. Поза — словно век ждал. Да это не Баба-Яга, это Баба-Ёг!

— Долго! — с претензией заметил рыжий, и выплюнул экологичную зубочистку.

А потом с кривой усмешкой посмотрел на бутылку, что я до сих пор сжимала в руках.

— Та самая блатная, значит? Ну давай, а-а-а, — он открыл рот, глядя на меня таким скучающим взглядом, что я застыла от недоумения.

Что он делает? Ударился головой, да?

— Все за тебя делать? Нет, ну ты наглая! Мало того, что ни трав не собирала, ни зелья не варила. Мало того, что меня на эту бешеную метелку посадили и во всем этом заставили участвовать, а ты палец о палец ударить не хочешь? Ну, уж прости, целебное зелье ты мне должна собственноручно в глотку влить, иначе не зачтут.

Погодите-ка, он что, считает, что меня сюда по связям взяли, подтасовали все, и теперь зачислят?

— Вы меня с кем-то путаете. Проводите меня к вашему главному, мне нужно домой.

Рыжий закатил глаза, скомкал траву в кулак и рванул, вырвав с корнем, тем самым показав, как раздражен. Даже комья продемонстрировал. Посмотрел на меня исподлобья.

— Во мне нет магии. Мне нужно домой, — еще раз подчеркнула я.

Брови рыжего удивленно взметнулись вверх. Он прощупал меня взглядом, а потом устало махнул рукой:

— Хоть этого не отрицаешь. Ладно, давай свое зелье.

Я сжала бутылочку до белых костяшек.

Может, мачеха как-то договорилась и хочет меня подставить? Магии во мне, понятное дело, взять неоткуда. А вот запихнуть меня сюда с бутылкой яда, которой я отравлю этого беднягу, а потом радоваться, что меня засадили в какую-нибудь магическую тюрьму — это она запросто. Избавится от меня раз и навсегда. Никто больше не будет стараться образумить папу, спорить с ней и ругаться со сводными стервами.

Я с звучным “Чпок” открыла бутылку, проигнорировала протянутую руку рыжего и вылила зелье на траву.

— Ты что наделала? Из ума выжила?

Парень вскочил на ноги, и я сделала шаг назад. Он был выше, чем казалось на первый взгляд. И старше лет на пять минимум.

Матеря какого-то местного бога, он опустил на землю и внимательно осмотрел траву.

— Если из-за тебя мне дадут седьмую тему дипломной, я тебя приворожу и заставлю до конца жизни в услужении бегать.

Я пошатнулась от его слов — до того повеяло ясной угрозой.

— Идем! — он вскочил на ноги, взял меня за запястье и поволок в сторону котелков.

— Не надо меня варить.

Рыжий молчал. Тащил меня за собой с упорством бульдога.

— Ой, не наступи на меня! — запищал ручей, и я запнулась, а потом перескочила через него.

Рыжий мгновенно обернулся и сверкнул взглядом:

— Ты его слышишь?

— А не должна? Он же говорящий.

С парня будто все беды мира сняли, все проблемы — он выдохнул, помотал головой, пробормотав:

— Я уже думал крышка. Хоть что-то можешь. Хотел за тебя уже варить зелье, а ты и сама справишься.

Рыжий как раз отбуксировал меня к котелкам.

— Я буду говорить что брать и как варить, а ты беспрекословно слушаться.

Я вырвала руку и твердо посмотрела в глаза парню. Все-таки общение со стервами закалило мой нежный характер.

— Я не буду ничего делать. Я поговорю с вашим главным, и он отправит меня домой.

— Хочешь мне дипломную загубить из-за вредности, да? Я же тоже ведьмак. Мы своих не обижаем. Других — пожалуйста.

— Я не своя.

— Ты же дочь Женеви. Ты точно своя.

Что? Чья дочь?

— Теперь я точно уверена, что ты меня с кем-то перепутал.

— Не хочешь по-хорошему, да? — Рыжий вдруг стал слишком серьезным, голос угрожающим: — Не осознаешь, что я старшекурсник? Наведу порчу, сглажу, приворожу. Смотреть на меня будешь с сердечками в глазах, серенады под общагой петь.

Так смешно это слышать, так чудно. В этом мире, это правда, все работает?

— Смеешься?

— Нет.

Парень нехорошо сощурил глаза и вдруг зашептал что-то неразборчивое, но очень знакомое. Он словно мантру читал.

Я заглянула ему в лицо. Глаза такие зеленые, словно у кота. Веснушки милые на щеках. Родинка под глазом классная. А, вообще, он очень даже ничего...

Я встряхнула головой — бр-р-р-р! О чем это я?

И вдруг поняла, почему мне это все казалось знакомым. Когда мачеха льнула к разгневанному отцу, то шептала нечто подобное!

Я подняла потрясенный взгляд на рыжего, который замолчал на полуслове, поняв, что я не спешу прыгать ему на шею.

Женя. Женевьева. Ведьма.

Так вот почему папа так себя вел. Мачеха его околдовала!

— У тебя сильный дар. Мои любовные чары никто, кроме нашего декана, не может рассеять. Зачем тогда по благу просилась? Ты экзамен на раз-два пройдешь.

Я слушала его вполуха, потрясенная.

Мачеха зачем-то запихнула меня в магическую академию. К ведьмам. Даже зельем снабдила, чтобы точно прошла. И я очень сомневаюсь, что на этом факультете меня ждет что-то хорошее.

Я обернулась на арку, из которой пришла. Она все еще была на месте.

— Что за другими дверями?

— Еще пятнадцать факультетов.

Есть направление! Мне совершенно точно ясно: чтобы разобраться в моей семейной проблеме и снять чары с отца, нужно остаться в этой академии, но не на факультете ведьм.

— Эй! Ты куда?

— Искать себе другой факультет.

— Ты слишком сильная ведьма! Тебя нигде больше не примут!

Чужая магия тебя просто убьет.

— А вот это мы еще посмотрим.

Глава 2

Ведьма я, как же! Если ведьмак знаком с моей мачехой, то должен понимать, кто здесь настоящая чародейка, а кто белый кролик в ее супе.

Я смело шагнула в арку на выход из поляны и завязла. Туман превратился в густой серый кисель, который не хотел меня выпускать. Чем больше я прикладывала усилий, тем сильнее меня выталкивало обратно на изумрудный полигон для ведуний.— А я тебе что говорил? — подзуживал рыжий.

— Лучше помог бы! — в отчаянии крикнула я.

— Если и помогать таким блатным, как ты, то пинком! Согласна на унижение?

Думает, что только он из грязи поднимался и тяжелую жизнь испытал? Некогда его разочаровывать, а то я бы с ним по душам поговорила, поделилась своей историей.

— В тебе что, гордость задета, что не смог приворожить? — я попыталась штурмовать туман снова, но тот откинул меня прямо в руки ведьмаку. Тот крепенько схватил меня за локти.

— Вот еще! — шикнул мне на ухо. — Ну так что, придать ускорение, блатата?

— Придай!

Он этого не сделает!

— Точно? Смотри, сама выбесила!

Честно, я не думала, что он осмелится. Уж тем более и мысли не было, что пнет с такой силой, что искры полетят. Не из глаз, что странно. Видимо, без магии не обошлось.

Я вылетела на каменный круг, содрала ладони и ушибла колени. Порадовалась, что одета в джинсы и кофту, потому что новости от мачехи обрушились на меня как раз когда я пришла из магазина.

Я отряхнула руки и посмотрела на арку ведьминского факультета. Мне померещилось, или я только что видела там силуэт тети Жени?

Папа, где же ты подцепил эту страшную женщину? И зачем такой, как она, мой отец?

Я нашла глазами встречающего рыцаря. Тот все еще пускал радужные пузыри и был совершенно бесполезен. Хоть бы совет дал, куда дальше пойти!

Один факультет известен — ведьмы.

В фильмах видела, что есть еще стихийники. Земля, вода, воздух, огонь. Может, металл еще какой или еще какая чушь?

Еще в фэнтези пишут про некромантов. Вот уж точно к кому не хотела бы попасть!

И как определить, кто в какой арке?

Я подошла к проходу, который был на противоположной стороне круга. Кто может держаться подальше от ведьм?

Я дотронулась до тумана. Прохладный. Ничего особенного. Может, тут какие-нибудь маги воды? Может, удастся к ним прибиться?

Но еще шагнув в туман и вздохнув могильного воздуха я поняла — попала. Чем больше чего-то боишься, тем вероятней это с тобой произойдет.

Ночное кладбище скрипело деревянными крестами (и это при том, что ветра не было!). На толстенном дереве сидела сова и угукала так, что сердце уходило в пятки. Жутко.

Дорожка под ногами, выложенная мелкими камнями, вилась между могил и склепов. Яркий лунный свет словно показывал: смотри, не так все страшно, как ты думала.

И обещания рыжего, что меня сожрет другая магия, не сбылись. Так и знала, что нет у меня никакого дара.

Я сделала шаг, и камни под моей подошвой пришли в движение. Будто волна пошла по дорожке из щебенки, посылая земляной импульс. Кресты перестали скрипеть, сова замолчала.

Что-то коснулось моего кроссовка. Черное перо? Ткнулось в меня кончиком и словно застыло в воздухе.

— Как посмела ведьма пролить любовное зелье на святую землю? — мужской голос, говорящий словно на выдохе, застал меня врасплох.

Звук взмаха огромных крыльев и большая тень пронеслась над головой, закидывая мои светлые волосы на лицо и закрывая обзор. Когда я отодвинула пряди, мешавшие разглядеть хоть что-то, то я увидела два огромных вороних крыла и абсолютно седую голову, что склонилась к моим ногам.

Я не смела двинуться, а вот мужчина вполне себе спокойно взял перо, что будто указывало на кончик моего кроссовка и поднес к острому носу.

— Женевьева! — он выкрикнул имя, пропитанное ненавистью, и резко поднял голову и посмотрел на меня своими красными глазами.

Боже, да ему никакие капли для глаз не помогут избавиться от напряжения! Красными были не только зрачки — капилляры лопнули, заливая белок. Огромные черные крылья закрыли меня со всех сторон.

То ли чтобы не убежала, то ли чтобы обнять. Рука с длинными ногтями намертво вцепилась в кроссовок.

Кажется, все же первое. О нежных чувствах тут не было и речи.

— Приш-ш-шла! Наконец-то...

Ветер откинул седые волосы мужчины назад, открывая острые черты лица без единой морщинки. Он смотрел будто сквозь меня.

— Я не Женестьева! Вы ошиблись.

— Пусть я не вижу, но я чувствую твою магию. Десять лет, триста дней и семь часов я ждал нашей встречи. Я знал, что день расплаты настанет!

Крылатый резко встал в полный рост и поймал мои руки.

— Почему не сыплешь проклятиями? Я так долго ставил защиту, которую тебе не пробить. Ну же, давай! Прокляни, как ты умеешь.

— Я не Женестьева! Я просто пролила зелье себя на обувь. Не имею понятия, откуда оно взялось. У меня вообще нет дара, меня только что принесло в круг призыва.

Говорить о нашем некровном родстве с мачехой я предусмотрительно не стала. А то скажу, что падчерица, а он решит, что мной можно шантажировать.

Боже, тетя Женя, мало того, что ты жизнь отцу испортила, так ты и тут мужику насолила!

Крылатый зажмурился:

— Твой голос помолодел. Нашла еще ворона, что отдал тебе свои глаза, а теперь выдаешь себя за адептку? Не ожидала, что я выжил и расставил ловушку на тебя?

И как слепого убедить, что я не мачеха? Он словно не слышит — вбил себе в голову, что это я, и все. Месть ему подавай десятилетней выдержки!

Вдруг по погосту пронесся звонкий девичий голос:

— Кандидатка на поступление! Ау! Если ты закопалась от страха в одной могиле с кем-то, так и знай — сосед тебя выдаст. Они все тут прикормленные. Так что либо сдавайся, либо быстренько покажи танец в исполнении почтенного усопшего ректора Андисса Вельда.

У крылатого лицо вытянулось от удивления, уши дернулись, а воинственно растопыренные крылья обмякли. Я же думать долго не стала — такой шанс выдается раз в жизни. Крикнула:

— Сдаюсь!

И стоило мне только закрыть рот, как рядом оказалась девушка в черном с ног до головы. Откинула капюшон плаща с головы и склонила голову набок, рассматривая меня и крылатого. Ее рот ве больше открывала от удивления:

— Не Андриасс Вельд, конечно, но даже круче. Как ты умудрилась поднять вестника любви?

Кого?! Вестника любви? Это он-то? Да скорее ангел смерти какой-нибудь!

Но делу мое внутреннее недоумение не мешало: крылатый едва заметно кивнул в знак приветствия, а девушка протянула: “ух-ты!”

А потом посмотрела на меня, и я заметила, как ее глаз нервно дернулся. Она едва слышно прошептала:

— Теперь, если упокоишь — не только поступление, но и зачет по всем предметам сразу за первый семестр.

Я ошеломленно молчала.

— Два года экстерном. Я договарюсь! — девушка смотрела на меня, выпучив глаза.

Я по-прежнему не знала, что сказать. Видимо, некромантка поняла по-своему:

— Ты не представляешь, что в академии с его пробуждением начнется. Упокой, ради звезд Ильсарра, прошу!

— Да я его не поднимала!

— Как нет! Перо на тебя указывает!

И девушка показала на мою ногу. Туда, где на мысок моего кроссовка по-прежнему указывало воронное крыло.

Это что получается, зелье мачехи подняло птичку любви? Заслуг моих тут нет, но экзаменатор об этом не знает, верно? Такие сладкие условия обещает! Может, пока она там о зачетах автоматом хлопочет, я и разберусь, как снять чары с отца? Когда выяснят, что дара во мне нет, будет очень кстати устроено мое возвращение домой.

Крылатый, пока про него говорили, безразлично смотрел вперед себя своими красными глазами, так и не убирая преграду из крыльев. Он точно ничего не видит?

Судя по всему, он даже не паникует, что кому-то удастся его упокоить, вестника любви этого! Что же за любовь он предвещает? Трагическую, как его судьба, что ли?

— Некромантка. Выйдешь отсюда, любовь найдешь, — скрип поворота его головы в сторону экзаменатора был настолько разборчив, что меня передернуло.

Девушка стала зеленой. Промямлила:

— Не надо. Пожалуйста.

— А ты... — крылатый повернулся ко мне, и я сделала быстрее, чем осознала — закрыла ладонью его ледяной рот.

Еще не хватало мне прокаранной любви в магическом мире. Знаю я эти сказки, потом отсюда не уйдешь.

— Молчите! Я верну вам глаза, хорошо?

Крылатый промычал ответ, гневно сощурился краснющие глаза, и я чуть приоткрыла его рот, чтобы услышать:

— Тогда сейчас верни.

— Я же не Женевьева. Но я попробую. Это ведь шанс, о котором вы и не мечтали, верно?

Матерски торговаться я еще с сестрицами научилась. Впрочем, как и хитрить, чтобы выжить. А здесь на карту поставлено слишком многое, чтобы так быстро испытать поражение.

Вот отца от чар спасу, пусть тогда и сводит счеты. Если к тому моменту он еще захочет их сводить, хе-хе.

Мои слова запали крылатому в пробужденную душу — я это видела.

— Если не выполнишь обещание, я тебя убью любовью.

— Так изощренно мне еще никто не угрожал! — выдохнула я возмущенно.

Крылатый гордо вскинул подбородок, а некромантка ойкнула.

— Согласна?

— Согласна!

А что остается делать? Если у мачехи не найду его глаза, то разыщу того, кто наколдует новые. Ведь я не обещала именно “его” глаза, верно? Думаю, в магическом мире это не такая уж сложная штука.

— Только мне время нужно.

— У меня бесконечность времени.

Некромантка икнула и запахала рукой, привлекая к себе внимание. Когда я посмотрела на нее, она замотала головой. Мол, не надо так делать!

— Только вы прождете упокоенным, хорошо?

— Собственноручно зарыться? Женевьевы ты или нет, но второй раз ты меня туда не отправишь.

— Тогда вы должны меня слушаться, хорошо?

Крылатый несогласно задрал нос.

— Иначе я не могу пойти на это, если вы будете запугивать адептов академии своими убийственными обещаниями любви.

Некромантка посмотрела на меня жалобно, и я добавила:

— И этой девушке отмените свое предсказание.

Крылатый провел рукой с острыми когтями по своей щеке:

— Сказанного не воротишь.

— Тогда с этой минуты вы молчите, хорошо?

— Я могу. Но есть условие.

— Какое?

— Я не отступлю от тебя ни на шаг, пока ты не вернешь мне глаза.

Некромантка пошатнулась, качая головой. Кажется, представила наш тандем.

— А вы можете становиться невидимым?

Крылатый недовольно скривил губы и нехотя произнес:

— Я могу быть птицей.

— Уже хлеб!

А это мы неплохо поторговались! Вот только одно я не учла — я крылатого так и не упокоила, а поэтому оказалась по другую сторону арки в дружной компании ворона на своем плече.

Итак, снова круг, снова выбор. Куда же мне пойти?

Глава 3

— Птиц, а ты можешь поменьше стать? Тяжелый же.

— Я и так пошел на уступки.

Смотрю, он такой же мастак болтать, как и я. Значит, договоримся. Если грамотно польстить, из некоторых можно веревки крутить.

— Крылатый, ты же такой известный на всю академию вестник любви. При виде тебя все в ужасе застывают. Как я тогда пройду испытание?

— Тебе на пользу только, — гордо поднял клюв он.

— Не скажи. Как тебя увидят, так будут мне палки в колеса вставлять на испытаниях. А оно нам надо? Как же я тебе тогда глаза верну?

— Есть связь? — важно спросил птиц.

— А как же!

Ему то неизвестно, что связь самая прямая.

— Можешь стать размером с мой сжатый кулак? — я показала, каким именно.

Ворон недовольно переместился с лапы на лапу и обратно, а потом стал уменьшаться до удобоваримых кошкой размеров. Отлично!

— И ауру спрячу, — проворчал он.

Замечательно! Крылатый в деле.

— Ты правда не Женевьева, — неожиданно выдал птиц.

— Понял наконец-то?

— Она никогда бы не попросила меня стать меньше и прятать ауру. Ей всегда хотелось мной всех запугать.

Да уж, мачеха себе никогда не изменяла.

— Как тебя зовут? Не птицей же мне тебя называть?

— Мое настоящее имя сложное, как твоя судьба.

И замолчал.

— Цену набиваешь? Тогда буду звать тебя Любка. Ты же вестник любви?

— Мне нравится!

— Я пошутила!

— А мне уже понравилось! Любка, — птиц так мечтательно закрыла глаза и втянула шею, словно его приласкали.

Бедненький недолюбленный. Даже спорить не буду. Любка так Любка.

— А я Оля. Ну что, Любка, как думаешь, какую мне арку выбрать?

— Куда тянет. Где видишь цветной туман. Или где сама арка приобретает цвет.

Я посмотрела на абсолютно одинаковые арки.

— Да от тебя толку гораздо больше, чем от того бедолаги в латах, — пробормотала я, закрыла глаза и попыталась так понять, не тянет ли меня куда-нибудь, раз я глазами ничего не вижу.

Не тянет.

Тогда буду наобум.

Я заскочила в первую ближайшую арку и тут же почувствовала давление в голове. Создавалось ощущение, что мои сводные сестры решили разом насесть на меня и добиться необходимого, поэтому феерично вскрыли мне коробку и поедали мозг палочками для роллов.

Любка перепрыгнул мне на макушку, вцепился когтями в волосы, и давление тут же пропало.

Ох, что бы я без него делала!

Тут же туман, в котором я находилась, рассеялся. Передо мной стоял наводящий жуть мужчина с абсолютно невыразительным взглядом светло-голубых глаз. И если я думала, что глаза крылатого — это страшно, то теперь поняла как крупно ошибалась. Вот где настоящая жуть, словно в пустоту смотришь.

— Это был твой фамильяр, не ты, — тонкие пальцы сделали щелчок у моего уха.

Мы с Любкой ничего не поняли, поэтому продолжали смотреть на экзаменатора, так любящего копаться в мозгах.

Он еще раз щелкнул, брови едва-едва приподнялись, что, должно быть, выражало крайнюю степень изумления.

— А-а-а, — протянул Любка, и стал заваливаться на бок, не забыв скомандовать: — Лови.

Я и поймала. Прижала птицу к груди и посмотрела на мозгокопателя.

— Интересно, — уголок тонких губ экзаменатора едва заметно дрогнул.

Еще один щелчок пальцами, и моя голова взорвалась калейдоскопом воспоминаний. Счастливое детство, трагический уход мамы, горе, а потом появление мачехи с сестрицами. На этом месте менталист резко сжал руку в кулак, обрывая прошлое.

— Женеьева, — прошипел он, а потом ничего не выражающие глаза полыхнули льдистым пламенем: — Думала, испугаешь меня? Вынудишь тебя принять? Никакого блату!

После этих слов невидимая сила вынесла меня из арки с такой силой, что я распласталась рядом со спящим встречающим в латах. Радужный пузырь, который он выпустил, попал в Любку, и птиц чихнул.

— Бытовики, тьфу!

И столько пренебрежения было к этой магии, что стало понятно — не в почете она, ой, как не в почете, раз даже вестник любви о ней так говорит.

А потом начался какой-то калейдоскоп под названием “Злодейские связи”. Из некоторых арок мы с Любкой вылетали со свистом, а в некоторых нам чуть ли не стелили красную ковровую дорожку на факультет. Вот только создавалось четкое ощущение, что ступи ты на нее, как в тебя тут же вопьются иглы. Мачеху либо боялись, либо ненавидели, либо жалели свести счеты, и, как полагаю, за счет меня. И сразу же распознавали ее след на мне, не помогло даже оставить кроссовки рядом с рыцарем в латах.

С академией я была жуть как солидарна в одном — в жажде поквитаться с Женевьевой. Но передо мной закрывались одни арки за другими, а из некоторых, как например из той, что дракон пламенем чуть попу в уголек не превратил, пришлось улепетывать, не разобравшись.

— Остались две арки, — я покосилась на потрепанную птицу.

— Я посчитал: бытовики и боевики.

— Хрен редьки не слаще. Любке я запретила проявлять силу, чтобы его приметную натуру никто не опознал. Хрустнув крылом, он согласился. Казалось, это сопротивление факультетов даже придала ему духу, ведь не одному ему так насолила тетька Женя.

Он все время приговаривал после очередной арки:

“И тут успела наследить, ведьма!” “Водников тоже достала? Чума, а не женщина!” “Даже у артефакторов в печенках сидит? Демоница!”

Мне даже казалось, что все это было сказано даже с восхищением.

А теперь у нас выбор невелик. Бытовики или боевики?

— Любка, что выбрать?

Птиц упорхнул с плеча и сел на правую арку. Ключнул ее:

— Как мужик, рекомендую боевиков.

И тут же перепорхнул на другую арку:

— Но для слабой женщины советую бытовиков!

И тоже ключнул арку.

Неожиданно землю трясонуло.

— Любка! Что происходит?

Птиц предусмотрительно сел на мое плечо, беспокойно оглядываясь.

— Нехорошее что-то. Забыл я, что в моем истинном облике нет у меня клюва.

— И? Любка, продолжай! Если нет клюва, то чем ты сейчас их тренул?

Те самые арки, которые Любка так опрометчиво посчитал клювом, вдруг покрылись трещинами.

— Я сам могу только догадываться, — отвел глаза-бусинки птиц.

И тут две арки стали надвигаться друг на друга, пока не соприкоснулись. Общая часть стала осыпаться, и уже через несколько секунд перед нами была одна огромная арка.

— Любка... — мой голос предательски дрогнул.

— Не ходи, — уверенно высказался затейник.

— Это последний шанс, Любка. Я не могу не идти. Мне с папы чары нужно снять и тебе глаза вернуть.

Птиц смахнул скупую слезу, или мне показалось?

— Тогда будь готова ко всему.

Я закрыла глаза, набралась смелости и шагнула в проход, уверенно смотря вперед.

Знаете, какое самое нелюбимое место для уборки? Нет, не туалет. Вопреки общему мнению, это одно из самых чистых мест в доме, потому что его постоянно обрабатывают убойной химией.

Кухня — вот настоящий ад! Нагар, жир, копоть, засохшие капли брызнувшего масла.

А теперь представьте: бесконечного размера кухня, на которой сражаются ребята в ярко-розовых грязных мантиях с настоящими монстрами! Обоим противникам тесно, оба покрываются потом, у обоих периодически что-то там шкварчит и подгорает. Например, пятая точка, которую непредусмотрительно прислонили к нагретой плите.

— Кто?! — проревел мощный лысый мужчина в татуировках и ядрено-розовом прикиде. У него точно подгорело: — Кто посмел запихнуть боевиков на кухню?! Чья это магия?

— Декан, похоже ее, — резвый парень будто импульсом уложил рогатого монстра на лопатки и показал на меня.

Я насчитала еще трех бойцов, помимо лысого и тыкальщика, и порядка трех десятков монстров, которые лишь прибывали и прибывали.

— Откуда они лезут? — пробасила девчонка. — Кажется, из той коробки!

Коробка, к слову, очень напоминала дорогуций двухкамерных холодильник, который открывал свои двери, чтобы изверзгнуть монстров. Вместо белых стен я успела увидеть внутри него жуткую черно-зеленую плесень.

— Магистр, мой импульс на них плохо действует. Что-то не так!

— Да тут все не так! Эй, девчонка, иди-ка сюда! — лысый посмотрел на меня.

Я с Любкой все это время делала вид забытого веника — стояла в сторонке и не отсвечивала. С потолка вдруг что-то капнуло. Я подняла голову вверх, Любка крепко зацепился коготочками за шевелюру, и мы оба посмотрели в глаза зеленого склизкого монстра, что смотрел на нас с потолка. Огромная зубастая пасть распахнулась, и он полетел на нас вниз, явно планируя съест в один присест.

Перед глазами мелькнула прошедшая жизнь, грязная розовая мантия и выбритый висок. До уха донеслось: “Отомри же, чума!”. И взгляд глаза в глаза: громовой, с молниями внутри.

И тут нас съели.

На этом, наверное, мои приключения бы и закончились, если бы не третий неудобоваримый вместе с нами. Он словно озверел — и свет не позволил выключить — пасть чудищу закрыть, и кишки ему бантом завязал, и прочистку организма нами устроил. В итоге мы оказались на полу, все в слизи, но живые.

— Знаешь, почему наш полигон объединился с бытовым? — парень ладонью смахнул слизь в лица своего, потом моего, будто умыл неразумного малыша. Даже Любку плащом своим вытер. Пояснил: не смывать, зрения лишимся.

Я тут же глазенки-то протерла еще раз, а вот причину, по которой два полигона объединились в один я знала, но умолчала. Любка мне еще нужен.

— Дурдом, — парень испытывающе посмотрел на меня и резко поднялся. Сверху вниз посмотрел на меня и скомандовал: — К бою, чума!

Я аж на ноги встала. Заметила одобряющий взгляд лысого в сторону парня с выбритым виском и осмотрелась. Монстров стало еще больше.

Один боец оказался обездвижен каким-то вязким монстром, который приклеил собой его к стене. Другой закручивал вертушки, отшвыривая врагов, но тем, казалось, его искрящие удары ни по чем — они спокойно себе вставали.

— Грарх раздери! Что с этими тварями не так? Их даже мой коронный не берет? — Парень с выбритым виском искряще треснул пушистый комок с зубами локтем, но тот лишь словил молнию, встряхнулся и снова приготовился нападать.

— Кажется, я догадываюсь, что это, — прошептала я, и тут же лысый мужик оказался рядом:

— Говори!

— Вы парни боевые, на кухне редко бываете...

— Ближе к теме!

На нас как раз полз толстый червяк метров трех длиной. Он грыз на своем пути все — полки, половники, духовой шкаф. Перемалывал в своем жерлове-рте все в труху.

— Кажется, это кухонные монстры.

— И откуда они?

— Такие бывают, когда долго не убираешься. У моих сестер в комнатах постоянно какая-то такая тварь обитает.

— Ты знаешь, как их победить? — лысый внимательно меня слушал. — Если наши боевые искры не действуют, то что?

— А мне откуда знать?! У нас они все маленькие, вшикнул химией — тот и сдох.

— Химией? — переспросил парень с бритым виском.

Лысый явно понял, о чем я. Мы отбежали с пути червя, но тот взял поворот и снова несся на нас.

— Значит, нужна бытовая магия очищения, — лысый посмотрел на меня. — Что стоишь? Не зря же здесь! Провалить испытание хочешь? У нас два полигона еще никогда не совмещались в один, и я не знаю, чем это все закончится.

— Я не могу. Не умею, — я схватила Любку и прижала крепче. Может, он что может? Только об этом говорить нельзя вслух.

Лысый оттолкнул меня в руки парня с выбритым виском:

— Пустышка, похоже. Защищай, я вызову декана бытовиков.

На нас набросился червяк, и мы едва унесли ноги. Стоял на столешнице, я вцепилась в грязный розовый плащ парня и молилась,

чтобы Любка что-то предпринял. Птиц пытался — я видела, но то ли память отказала, то ли действительно не знал, что делать.

— Декан бытовиков в отключке на круге призыва! — отчиталась вдруг появившаяся из ниоткуда девушка с басом.

Монстры сгущались. Кто-то из них вполне себе безобидно ползал по стенам, а вот кто-то так и норовил откусить от тебя кусочек. Лысый несколько раз пускал какие-то импульсы силы, которые волной проходили по помещению, но это лишь ненадолго дезориентировало монстров.

— Магистр, а из формации нельзя выбраться?

— Стоял бы я здесь с вами, если бы можно? Произошел магический излом. Надо выбраться, потом изучим, в чем дело. Боевики, работаем по схеме четыре один — щит. Мор — ты защищаешь девочку с птичкой.

Боевики сгруппировались, освободили того самого прилипшего к стене и единым фронтом отвоевали себе пяточок и попытались развернуть линию обороны. Лишились двух розовых накидок, одного ботинка и шикарной матовой лысины. После того, как лысый побывал головой в пасти одного червя, из кожи стали пробиваться странного вида кудряшки, больше похожие на грибы.

— Молчи. Не говори нашему деку ни о чем. Голова — это его гордость. Авось пронесет еще, — шепнул мне Мор, отодвигая за себя к стене.

И все-таки червь наш нашел. Бросился прямо в ноги и вцепился в колено Мора.

Парень повернулся ко мне на мой вскрик, а потом вдруг замер.

— Бей его! Отбивайся же! — я нашла под рукой какую-то лопатку и попыталась отстоять ногу своего защитника.

— Используй магию! — спорил Мор.

— Ты решил остаться без ноги!

Я видела следы крови на пасте червя! И жутко испугалась за парня.

— Ну же, давай! — крикнул он на меня..

— Я не могу!

— Это из-за тебя весь лазлом! Ты точно можешь!

— Это из-за птицы! — призналась я на нервах, с криком.

— Бред! Давай! Такие птицы к обычным людям не привязываются, так что у тебя точно есть дар!

Матушка была почему-то тоже уверена, что есть.

Попробовать? Но что надо делать?

Я не знаю ни одного заклинания, ни одного волшебного паса руками. Не умею драться с искрами, как эти боевики.

Я собрала волосы в пучок без резинки, просто завязывая, как всегда перед уборкой. Представила в руках губку с очищающей пеной и шпленула червяка ладонью по морде.

Он отлетел назад!

— Вот так! Давай! Продолжай!

В червяке зияла дыра, он завалился на бок бездыханный. Может, это мне Любка помог?

— Что, пошла работа? — раздался голос Лысого откуда-то их пушистой твари, которую он распорол и просто вышел из нутра, как через двери. — А теперь давай масштабно, девочка! Ты заварила — тебе убирать!

Ненавижу эту фразу. У меня дома была уборка, здесь — уборка. Да что такое? Я закрыла глаза. Воздух наполнился насыщенным лимонным запахом. Стало жарко, словно в парной. Я представила, как всю грязь, как и всех монстров, смываю будто волной.

Открыла глаза и увидела, как это происходит на самом деле! Как помещение очищается, словно по мановению волшебной палочки!

Лысый хотел провести рукой по лысине, а провел по грибам.

Я тут же прикрыла глаза, представила, как продезинфицировала его лысину и осторожно приоткрыла один глаз.

Декан боевиков смотрел на меня с нечитаемым выражением лица.

— Ну что, на лицо бытовая магия, адептка. Пора вам будить вашего декана!

Я едва успела прижать к себе Любку и кинуть прощальный взгляд на защитника Мора, как мы оказались на каменном кругу.

Любка перелетел на плечо.

— Жесть, — выдал птиц.

И я была с ним полностью согласна.

Неожиданно я почувствовала в руках две половинки порванного приглашения в академию. Они изменились прямо на моих глазах,

превращаясь в два прозрачных полукруга с выемками, словно созданными для того, чтобы их соединили.

Для меня эта легкая головоломка казалось самым знакомым из того, что было вокруг. Руки словно сами собой потянулись, чтобы собрать шар в единое целое. И стоило двум половинкам соединиться, сфера налилась багровым цветом и заметно потяжелела.

Парень в латах, что лежал и спал, вдруг снова полыхнул радугой. Он приподнялся на локтях и мечтательно улыбнулся, глядя на меня:

— Дождлся! Наконец-то пополнение! Моя!

— Что, простите?

— Я твой магистр Санелиус Окс. — Встречающий расплылся в улыбке и поднялся, качаясь на ногах.

Что? И вот это чудо мой декан? Seriously?

Любка карканул:

— Люби тебе с ведьмой, если ты декан!

И, судя по испугу в глазах парня, вестник любви зря накаркал.

Глава 4

Декан был возмутительно молод! Выше меня на голову, он был тонок до звона и настолько бледен, что хотелось откормить.

Интересно, его кто-нибудь всерьез воспринимает? Или он настолько мощный маг, что в свои молодые годы уже занял должность верой и правдой?

— Башня бытового факультета! — декан снял с головы шлем, тряхнул блондинистыми волосами и махнул рукой в сторону стройного, как осинка, здания. — Отправляйся туда, адептка, там должны уже получить всю информацию и встретить.

— А ты... — я запнулась, и тут же исправилась — А вы не пойдете?

Светло-голубые глаза декана предупредительно сощурились, но он ничего не сказал, лишь голос стал ниже:

— Сегодня моя очередь встречать абитуриентов. Иди!

— А это? — я показала камень в руках.

— Это твой накопитель и стабилизатор. Лишнее заберет, нужным поделится. Всегда носи с собой. Подробнее — на занятиях.

Я сжала камень в руках и кивнула.

Несмотря на молодость и внешнюю хрупкость, мне кажется, что за этим хрустальным фасадом скрывается что-то серьезное. Шутить на тему возраста и интересоваться деканом я как-то резко раздумала, хотя и выглядел он несерьезно.

Любка наострил клюв в сторону башни бытового факультета, и я вежливо попрощалась. Дошла по живописной аллее до здания и осторожно вошла в двойные двери.

— Добро пожаловать в ВАИ! — раздалось откуда-то снизу, и я опустила взгляд на милейшую крохотную старушку зеленого цвета.

Ой, а кто она? Светло-изумрудная кожа была испещрена глубокими, но какими-то очень добрыми морщинками, будто образовавшимися исключительно от улыбки и смеющегося прищура глаз.

— Я хозяйка Зонтерикс, — очаровательно улыбнулась плотненькая гоблинша. — заведу здесь хозяйственной частью.

— Очень приятно, я...

Но не успела я сказать, как старушка с молниеносной скоростью затолкала меня в каморку под лестницей и гордо встала за стойку:

— Итак, адептка Ольга Ли с Земли, помимо места в общежитии бытового факультета вам полагается: четыре сменных комплекта ученической формы, четыре комплекта нижнего белья, четыре ночные сорочки и четыре пары обуви. Сезонность определите сами — когда юбку носить, а когда трусы с подогревом под штаны с начесом надевать.

— Простите, с чем-с чем?

— Ну это же бытовой факультет! Тут есть свои маленькие и очень комфортные фишки. На первом курсе выдаем форму и с покрытием анти-дождь, и анти-вандал, и даже анти-огонь. А вот со второго сами будете себе одежду магией прошивать. К хорошему быстро привыкаешь, так что так обучение идет максимально быстро. Продолжим! Итак, два шарфа, десять пар...

Кастелянша выкладывала все на стойку, стопка все росла и росла, пока я перестала видеть перед собой зеленую старушку.

— А теперь распишись здесь и здесь! — поверх стопки лег лист, над ним застыло искрящееся перо.

Я кое-как расписалась, и тут же стопка исчезла, открывая вид на довольную хозяйку Зонтерикс:

— Все в твоём шкафу. Обязательно пересчитай в комнате. А теперь перейдем к канцелярии.

И передо мной так же выросла огромная стопка учебников, тетрадей, блокнотов, упаковок ручек и прочего. И снова бумажка:

— Автограф, адептка Ольга Ли! Вот тут и тут.

Я расписалась, и гоблинша ловко хлопнула рукой по стопке, снабжая исчезновение предметов теплой улыбкой:

— Умничка! А теперь держи ученический жетон, читательский билет в библиотеку и три золотых. Да-да, это самое приятное. Жалко, хватит только на самое необходимое, так что ты береги. На территории у нас есть лавка: “Котелок и корона”, наведайся туда обязательно. И вот еще! Это пространственная шкатулка. Ставь в комнату, береги как зеницу ока. В ней тебе будут приходить сообщения от администрации, распоряжения декана, расписание уроков и прочее. Последняя разработка наших артефакторов! Я тут же вспомнила латы на декане и засомневалась: а уж нормально ли все пройдет и со шкатулкой? Или это только нашему декану так “повезло”?

— Фамильяра сдадите в монстрятник или с вами жить будет? — на стол еще одна бумага на подпись. — Со мной. Я расписалась, и гоблинша, тепло улыбнувшись, забрала бумаги:

— Шкатулку, жетон, билет и себя до комнаты носи сама, только бережно. Драгоценный груз лучше не посылать мелкими порталами. Твоя комната семьсот шесть. Правила пользования общежитием найдешь на столе.

Я улыбнулась в ответ на теплую улыбку хозяйки Зортерикс и собрала свое имущество. Семьсот шесть? А магический лифт есть? Интересно, а соседки будут? Стало так волнительно, что в груди все завибрировало, а руки затряслись.

Я поступила в универ!

Магический! И я иду заселяться в общагу, как много-много раз мечтала.

До меня только начало доходить, что я правда прошла испытание. Не по благу, не с зельем мачехи, а сама. У меня есть дар. Я буду учиться.

С ума сойти! По пути на лестнице я встречала адептов в бордовых мантиях и мысленно примеряла форму на себя. Неужели, в шкафу в общежитии меня тоже ждет такая же?

— Я тоже хочу мантию. Красный подходит к моим глазам, — вдруг подал голос Любка.

Я про него и забыла!

— Будет тебе мантия!

Настроение улетело за облака. Вот сейчас я освоюсь в комнате, примерю форму, поваляюсь на кровати...

С бешено колотящимся сердцем — то ли от подъема, то ли от пережитого, я толкнула дверь семьсот шестой комнаты и застыла.

Маленькая комната, которая больше напоминала забытый всеми чулан, швырнула паутину мне в лицо, а потом громко хлопнула кривой ставней. Воздух, что она запустила внутрь, поднял столб пыли, из-за чего невероятно защекотало в носу:

— Пчхи! — я потеряла слезящиеся глаза.— Да склеп у Чарли Ужасного и то чище! — воскликнул Любка, захлопав крыльями.

Позади раздался звук шагов:

— О, смотри! Блуждающая комната первокурснице досталась. Хе-хе, вот же. Мне ее уже жаль.

Два студенка обошли мне (или комнату?) по дуге и быстро зашагали прочь.

Блуждающая комната?

— Ребята, а что это такое? И чем грозит?

Один из парней обернулся:

— Никогда не отмоешь. Уж на первом курсе-то точно.

Отмывать? Снова?

Дома драила-драила, а теперь и в магическом мире все очищай? Ну что за несправедливость?

Эйфория от поступления тут же прошла. Я потухшим взглядом смотрела внутрь: на шаткую кровать на кривых ножках, на пол в черных пятнах, на паутину, что оплела потолок.

Я закрыла дверь.

— Ты чего? — спросил Любка.

— Если она блуждающая, то, может, пойдет себе дальше?

Я открыла дверь, но тут же тяжело вздохнула. Грязнуля была на месте.

— Ладно, где наша не пропадала. Это они еще комнаты сестер после болезни не видели — вот где страх. А это так, детский сад. Тем более, у меня магия теперь есть.

Видимо, я слишком поверила в себя, раз решила повторить все то, что тогда случилось на полигоне. Закрыла глаза, представила в руках губку, которая все вытирает, сделала пас рукой и...

Большое жирное ничего.

Я попробовала еще раз десять.

— Ладно. Еще руки есть. Веник и не от такой паутины спасал.

Вот только после пробежки по этажу оказалось, что нет на бытовом факультете таких банальных вещей, как веники и швабры, тряпки и чистящие средства. Зато есть энциклопедии чистоты.

Пришлось подхватывать самую толстую из них с уголка для чтения и нести к себе.

Кривые ставни окна я распахнула настежь, впуская свежий осенний воздух. Внутри тут же поднялась пыльная буря, словно не в комнате мы, а в пустыне.

— Закрой, так только хуже! — Любка засуетился — ему тоже нечем было дышать.

— Ну уж нет. Свежий воздух — это обязательно.

Уже не видно было собственную руку, а я все не поддавалась на уговоры птицы. Песок хрустел на зубах.

— Нас сейчас занесет! — Любка взлетел и потащил меня к выходу.

Тащил он с силой дракона, а не крохотной птицы, поэтому через минуту препираний мы все-таки оказались в коридоре.

— И зачем?

— Нам нужны инструменты.

— Лопата?

— И веник. Я видел тут у здания напротив много таких.

— Да? Отлично. А я лопату в клумбе видела. Вперед!

Забытая кем-то лопата была тяжелой, но польза от нее виделась такой же весомой. А вот метелка, что была оставлена у входа в соседнее здание, казалось легкой, словно перышко.

Вот только внести их в здание не удалось.

— Эй, блатата! — Окликнул меня рыжий. -Ты куда мою метлу тащишь? Метла мгновенно взвилась ввысь и полетела к хозяину. Тому самому рыжему ведьмаку, которого я уже знала по испытанию у ведьм.

— Эй, адептка! — прикрикнула на меня пухленькая девушка в зеленой мантии. — Куда моего фамильяра прикарманила?

Прикарманить лопату? Это громко сказано!

Я покосилась на садовый инструмент. Тот в ответ покосился на меня.

— Бо! — я отпрыгнула, выпустив черенок, и лопата с глухим стуком упала на землю.

— Хамка! Разве можно так с Людвигом? — пухленькая девушка в зеленой мантии с обидой посмотрела на меня.

— Простите. Я не знала, что это ваши... Питомцы... Я новенькая, мне дождалась блуждающая комната, и я искала, чем ее убрать.

Пухленькая девушка тут же заинтересованно покосилась на меня, забывая обиды:

— Блуждающая у тебя? Я думала, это миф академии! Ничего себе. А ты из какого факультета?

— Бытового.

— А-а-а, — тут же разочарованно протянула девушка, подняла лопату и быстро махнула рукой: — Ну давай, удачи тебе.

Мне показалось, или она тут же стала меня избегать, когда узнала, что я бытовик?

Рыжий ведьмак встал напротив меня. Я ему еще его пендаль не простила.

— Это враг? — уточнил Любка.

И я едва заметно кивнула.

Птиц тут же бросился гонять рыжего по академии, каркая что-то о неразделенной любви.

А я прошлась по аллейке, забрела подальше к деревьям и собрала себе рукотворную метелку. Теперь есть чем порядок навести!

В комнату мы с Любкой вернулись одновременно. Он через окно, а я по классике — через дверь.

Через три часа мытарств мы вылетели обратно, чуть не сдваясь. Любка через окно, я через дверь. Полные легкие пыли, руки в нескончаемой паутине.

— Еще разок! У меня есть план! — вдруг крикнул Любка.

Мы залетели в комнату, и птиц долбанул клювом аккурат посередине подоконника.

Я еще до того, как комната содрогнулась, поняла — дело плохо.

С потолка посыпался песок, открывая трещину в два пальца, что разделила его ровно пополам. Эта расщелина пошла дальше,

разрубила окно, а потом взялась за пол.

Раздался протяжный скрип, а потом внезапный хлопок, будто кто-то выбил старый пыльный матрас. В воздух поднялась пыль, а когда она осела, я не поверила своим глазам — половина комнаты изменилась.

Графитовая стена была исписанами символами и рунами. Основательная кровать с черным бельем трещала от молний, что проносились по толстым ножкам. От стола, что стоял у окна, осталась половина, и она покачивалась, будто не решая, упасть ей или нет. А на стуле, повернувшись ко мне лицом, скрестив руки на груди сидела припорошенный пылью боевик с выбритым виском.

— Привет, Мор! Давно не виделись, — проямлила я, совершенно не зная, как объяснить парню все, что только что произошло. А, судя по взгляду, все равно придумывать что-то придется.

Любку нельзя раскрывать. Что-то мне подсказывает, что обычный фамильяр вряд ли сотворит подобное. Вон, как птиц лапами в плечо вцепился — сам в шоке.

Мор резким движением смахнул пыль с брюк и встал, рассматривая, как трещина на потолке сращивается, соединяя половинки двух комнат в одну.

— И что это было?

Наверное, лучше всего уйти в глухую несознанку, а еще лучше атаку. Тем более с тем, у кого мантия розовая. Не знаю, что у них там на боевом факультете творится, но выбор цвета совсем неоднозначный. Может, у того лысого особый вкус?

— А я откуда знаю. Что, я тебе настолько понравилась, что захотел сразу жить вместе?

Мор открыл рот от такой наглости, а я держала лицо изо всех сил. Знаю, покажусь ему отвратительной нахалкой, но так хотя бы выживу. Жизнь с сестрами научила меня, что лучшее оружие — это нападение.

С волками жить — по волчьи выть.

Парень внимательно на меня посмотрел, потом бросил взгляд на свою половину и в приказном тоне велел:

— Не трогай ничего. Я разберусь.

И вышел.

Кажется, поверил, что новичок вряд ли сделает такое, и на Любку подозрений не упало.

Птиц тяжело вздохнул, как только дверь захлопнулась:

— Притяжение у вас бешеное.

— Ты о чем?

— Забыла, кто я? У магии ничего не бывает просто так. Эта блуждающая комната вся пропитана магией, вот и смешались наши с ней силы вот так. Зато смотри — одна половина чистая. Неплохо убрались.

— А вторая грязная где?

— Подозреваю, что у соседа боевика, — со знанием дела сообщил Любка, перелетая на подоконник и выглядывая.

— Ага, — я задумчиво протянула. — Ну так это даже хорошо. Сейчас Мор устроит скандал, переедет с помпой обратно, а я получу другую чистую комнату.

Я разве что ручки не потеряла.

И тут со стороны двери раздалось:

— Какие хитрый первачки пошли! Мор, а ты ее еще выгораживал! Ну что, теперь понял, что она не белая и не пушистая?

В дверном проеме стоял боевик и мужчина вида, будто его пропустили через мясорубку и собрали заново. Мы друг другу сразу не понравились.

— Простите, но я...

— Не хочешь разобраться с блуждающей комнатой? Слышал-слышал. А еще до меня дошли слухи, по каким связям ты сюда попала. Но со мной — Жоо Грю, такое не пройдет. Даже не рассчитывай на блат.

— Жоо Грю, но я же могу переехать? — на щеках Мора ходили желваки. — Я не могу жить в таком сраче.

Мужчина, явно забавляясь, наклонился к боевику и шепнул:

— Распишешь мне дом своими особыми рунами?

— Я сто раз говорил, что не могу. Это родовое заклинание. Оно особое.

— Ну, тогда мира вам.

Он уже хотел было уйти, когда весь ужас ситуации дошел до меня. Я воскликнула:

— Парням и девушкам нельзя жить в одной комнате!

— Кто сказал? Я, заведующий по распределению, не знаю такого пункта в своде правил академии. Зато там точно есть о том, что каждый адепт не имеет права самостоятельно менять место проживания...

Мор открыл рот, видимо, чтобы сказать, что он-то и не хочет менять, но Жоо Грю продолжил:

— Кроме случаев форс-мажора. А это он и есть, родненькие! Осваивайтесь, обживайтесь. В любом случае, Мор, ты уже на пятом курсе. Год продержаться осталось, если не размагичите комнаты обратно.

Жоо Грю ушел бесшумно, а за ним вылетел из комнаты Мор, хлопнув дверью так, что пыль с моей половины комнаты залетела на его.

Я посмотрела на птицу:

— Любка, клюй!

— Куда?

— Куда угодно, но раздели нас обратно.

По любимому всеми закону подлости, конечно же, у нас ничего не вышло. Похоже, и в магическом мире меня поджидали проблемы на каждом шагу.

— Итак, Любка, что мы имеем? Вечно грязную комнату, так? — Я открыла шкаф и посмотрела на новые вещи на пыльной полке.

— Так! — важно подтвердил птиц.

— И новые вещи быстро превратятся в старые и грязные, так? — я достала стопку формы и осторожно положила на учебники, что стояли на столе.

Черная половина стола боевика у окна угрожающе закрипела.

Дверь открылась, на пороге — Мор. И надо же было именно в этот момент его гордой половине стола развалиться?

Бах!

Боевик посмотрел на меня, как налоговый инспектор на должника:

— Как исправлять будешь, ведьма?

— Я не ведьма. Я на бытовом факультете.

— Бытовая ведьма.

— Звучит как оскорбление, между прочим. Но у меня есть предложение.

Мор оценивающе осмотрел меня с головы до ног.

— Какое?

— Я поделюсь своим столом.

— Ни одна грязная вещь с твоей половины не должна ни на сантиметр заезжать на мою.

— Я ищу компромисс, между прочим.

— И как ты себе представляешь работу за таким грязным столом? Это не компромисс, а частичное избавление от мусора.

Мы с боевиком стояли для напротив друга. Глаза в глаза, наморщенный лоб в наморщенный лоб.

— Ты можешь накрыть свою половину чем-то. Временно.

Мор покачал головой:

— Перебьюсь. На кровати уроки сделаю.

Раздался звук сдвигаемой мебели. Мы с Мором повернули головы и увидели, как Любка лихо двигает собой тяжеленный стол. Грязные ножки заехали на черную половину боевика и — о чудо! — часть стола стала абсолютно чистой.

Мор скосил на меня глаза.

— Даже не думай! — прошипел он.

— Не могу. Это сильнее меня.

— Оля!

Не знаю, откуда он узнал мое имя, но приятно, приятно. Тем более верю, что мы сможем договориться.

— Подожди отказывать, лучше выслушай меня.

— У тебя язык подвешен, как у ведьмы. Опасно слушать — ничего путного не предложишь.

— Сначала выслушай. Ничего не потеряешь, правда?

— Время.

— Все равно спорим, потом еще уйдешь, накручивать будешь, а так решим проблему и все.

— И как же ты собралась ее решать, первачок?

— С заделом на будущее. Ты же видел, как я тот кухонный полигон очистила? Я еще только поступила, буду учиться. Вопрос времени, через сколько я очищу эту блуждающую комнату, правильно?

Мор молчал, слушал.

— Так вот, мое предложение: как только научусь очищающим заклинаниям, возьму на себя очистку твоей одежды и половины комнаты. Слышал про покрытия анти-дождь, анти-грязь, анти-вандал?

Глаза Мора сказала — слышал, и еще как. А еще хочет. Очень. Наверное, у него с его факультетом одежда на разрыв идет.

Любка шепнул на ухо:

— Это... ты уверена? Боевику обещать — не бытовику.

Я лишь улыбнулась. Уверенность — половина успеха. Еще четверть наглости, остальное — упорство. Этот рецепт я выучила большой ценой.

Мор заинтересованно смотрел на наше общение с Любкой. Кажется, он прекрасно слышал птицу, потому что брови приподнялись.

— И что ты хочешь взамен?

— Сначала попробовать очистить мою мебель с помощью твоей половины.

Мор кивнул.

— По рукам.

И даже стол помог передвинуть на свою половину, и мы вместе порадовались чистоте.

— В конце-концов, мне тоже неприятно смотреть на такой срач, — пробурчал он, скрывая довольство.

Мы оба были довольны, что так ловко придумали, как быть. Мор потащил стол обратно, и застыл. Мы оба смотрели, как четко по линии спайки комнат стол обретал свой прежний зачуханский вид.

Наши взгляды с боевиком встретились.

— Даже не думай! — рыкнул он.

— Мо-о-ор, — протянула я с просящей улыбкой.

— Нет!

— Анти-вандал, анти-дождь, анти-грязь...

— Это все ты уже пообещала.

— Я сказала “сначала давай попробуем”, то есть это только часть соглашения. Ты же не дослушал до конца.

Мор застыл, будто отматывая в памяти момент, а потом ругнулся:

— Ведьма! Ноги твоей не будет на моей половине.

— Наверное, и у обуви есть защита. Например, они не промокают, ноги в них не мерзнут...

Увидела по лицу Мора — есть. И это едва ли не мечта.

Я всматривалась в резкие черты боевика с милой улыбкой, думая “ну же, решайся”. И вот, когда я думала, что он уже на крючке, он

вдруг четко отрезал:

— Нет. Жил без них четыре года, еще проживу. А вот с тобой на своей половине я точно не выдержу.

— Я прошу только о кровати. Вещи буду хранить под ней, уроки делать на ней. Мор, только кровать, больше ничего. А как только расколдую свою половину комнаты — съеду туда.

Боевик дышал зло, смотрел волком.

— Мало того, что мы с тобой под одной крышей, так тебе надо на мое покуиться?

— Ну не могу я жить в грязи, и для тебя одни плюсы. А? Пожалуй-у-уйста!

Мор вздрогнул, глядя на меня широко открытыми глазами, будто не верил своим ушам, что я просила, да еще с волшебным словом.

А что? Я давно поняла, что гордость — это хорошо, а хитрость — в сто раз лучше.

Кадык боевика дернулся, он закрыл глаза:

— Пожалеею об этом, — выдохнул он тяжело, и резко поднял веки: — Ладно. Но только кровать! Ни шагу в сторону. И я это говорю не просто так. Видишь руны?

Я посмотрела на стену.

Мор указал пальцем в пол:

— Там тоже есть. Так что в твоих интересах с твоей птичкой не порхать в сторону.

— По рукам! — Я протянула руку.

— Нет уж. Только через магическую клятву.

Через минуту и вспышку двух искр сделка была заключена.

— Пожалеешь, — вдруг шепнул Любка на ухо.

Глава 5

Мор был вне себя от счастья. В кавычках, конечно же.

Мало того, что комнату распополамило, мало того, что со мной стал жить, так еще и на пары и в столовую в другую башню бегать. Хорошо хоть не через всю академию, а всего лишь через одну высотку факультета ведьм, но это все равно не добавляло счастья на его лице.

Моя кровать теперь стояла сразу у двери, в углу, а его — у окна. Письменный стол он тоже перетащил на чистую половину, как и мой

стул, вот только поставил на противоположную сторону от стола.

— Ты можешь делать домашку с той стороны, я с этой.

— Спасибо.

— Не думай лишнего. Если бы моя половина стола осталась цела, то делала бы ты свои задания на коленке.

Я кивнула, пряча улыбку. А парень-то хозяйственный, не зря к бытовикам занесло. Да и не такой он грозный, каким хотел казаться. И эти молнии в глазах уже не так пугают. А вот кровать с электрическими разрядами — да, все еще держит в тонусе!

Мор уже второй час увлеченно и дотошно расписывал пыльную половину комнаты рунами, такими же, как на его половине комнаты, и я не выдержала:

— Это какие-то сдерживающие чары?

— Не твое дело.

Не мое, так не мое. Зато я точно знаю, что мое дело — найти способ избавить папу от любовных чар мачехи. И я не собираюсь терять ни минуты. Особенно когда узнала от Мора, что ведьминский факультет аккурат по соседству.

При комнате была маленькая уборная, и нам очень повезло, что она как раз выходила на половину Мора. И я старалась не думать о том, что его бедный сосед либо получил вторую половину блуждающей комнаты с зачуханским туалетом, либо вообще остался без него.

Я переделалась в форму в уборной, косясь на многочисленные темные баночки. Пожалуй, если собрать вместе всю уходовую косметику моей мамы и сводных сестриц, то они все равно проиграют арсеналу Мора.

Осторожно открыла одну баночку — из чистого любопытства — и в нос ударил настолько ярко-мятный запах, что глаза заслезились. Вряд ли это для ухода за кожей, скорее для каких-то вылазок или для обработки определенного вида ран.

А у меня с собой даже туши нет, чтобы реснички подчеркнуть. Эх, прямо комплексую.

Кстати! Помню, как завхоз говорила о магазинчике при академии. Надо в него заглянуть. Где, как не в нем, можно собрать информацию?

Но только после столовой, а то живот сводит от голода. Мор как раз говорил, что ужин через полчаса, но он на него не пойдет. Говорил

это хмуро косясь на меня, будто это я виновата в том, что он теперь там живописью занимается.

Я вышла из уборной и заметила, как задержался взгляд Мора на моих ногах. Любка перепрыгнул со спинки кровати на мое плечо.

— Юбку еще выше натянуть можешь? Под грудь, чтобы попа всем была видна?

— Мор, можно называть тебя мамочкой? А то моей уже давно нет, а мачехе начхать как я одеваюсь, — колкость вырвалась изо рта раньше, чем я успела ее остановить.

Боевик замер, так и не дорисовав руну, а та вдруг превратилась в порошок и осыпалась на пол, вызывая чертыхания парня. Я же поспешила выйти, захлопнула дверь и перевела дух.

Не такая я уж и дерзкая, чтобы юбку на груди носить. Нормально она у меня сидит. Что ко мне придирается?

Столовую я нашла быстро — просто по запаху еды и следуя за ручейками адептов. Все спешили занять места.

— Любка, спрячься пока в кармане накидки, — я отогнула потойной карман бордовой ткани. — Я тебе с собой что-нибудь прихвачу. Какую-нибудь булочку.

— Я питаюсь мясом. Любым.

Вот же достался мне хищный вестник любви! Спасибо Женеьеве.

В столовой кормили вкусно, разнообразно и очень сытно. За столом я сидела с тремя девушками с третьего курса, и я подслушала прелюбопытный разговор:

— Видели нашего декана? Опять артефакторы поиздевались. На нем лица нет.

— Обидно за него.

— Давайте им отомстим. Я смотреть не могу, как нашего магистра никто всерьез не воспринимает из-за его молодости.

Я припомнила щуплого встречающего и про себя согласилась: воспринимать такого тонкого до звона юношу как серьезного декана было тяжело. Но чем он заслужил такое уважение адептов, что они хотят за него отомстить?

И тут все трое как-то одновременно посмотрели на меня.

— Ты новенькая? — спросила брюнетка.

— Да, только с круга призыва. Меня зовут Оля.

— М-м-м, та самая, блатная? — брюнетка подула на длинную челку, что закрыла один глаз. Да что такое-то? Что сразу по связям-то?

Рыжая толкнула ее в бок:

— Лель, ну что ты так сразу? Меня зовут Ири, эту девушку Лель, а ее — Света. Ты из какого мира?

— Я Оля. С Земли.

— О, и наша Светик тоже. Я с Ирдана, а Лель с Оруэго.

Света, блондинка, сдержанно кивнула. Брюнетка нехотя махнула мне рукой. Рыжая продолжила:

— Мы слышали, что ты у ведьм дар проявила, но отказалась от него, почему-то поставила на уши все полигоны, а бытовой вообще объединила с боевым. Это правда?

Я покосилась на Любку в потайном кармане.

— Так получилось.

Ири, рыжая, вдруг посмотрела мне за спину и помахала рукой:

— Я здесь, Ирман!

Надо мной раздался смутно знакомый голос:

— Больше доставкой не работаю. В следующий раз сама пойдешь.

На стол опустился кошелек со звонкими монетами.

— Мама сказала, на сколько это?

— На месяц. И она будет неделю недоступна для связи.

Я подняла голову и встретилась с зелеными глазами ведьмака с испытания. И они буквально вспыхнули узнаванием.

— Ты!— Ты!

Теперь я ясно увидела сходство рыжей третьекурсницы и моего помощника по ведьминскому блату на экзамене. У обоих огонь в волосах и зелень в глазах.

Значит, Ирман, а сестрица Ири?

Старшекурсник явно на меня затаил обиду — я видела это по стиснутым челюстям и сощуренным глазам. Думала, сейчас снова попробует приворожить, но он сел рядом со мной и, как бы невзначай спросил:

— Страдаешь?

— Что? — я растерянно моргнула.

— Могла быть на ведьминском, а что выбрала?

— Тебя не смущает, что твоя сестра на том же факультете, про который ты сейчас при ней так нелестно отзываешься? — Не выдержала я.

Терпеть не могу таких людей. Они под кожу залезут, в душу заглянут, плюнут и хлопнут глазами в удивлении — “А почему их не любят?”

И это я ему еще пинок не припомнила!

— Ири другое дело — у нее нет нашей силы, а у тебя есть. Переводись, пока не поздно. Я похлопочу, чтобы тебе досталась комната получше, да соседка подороже, — и подмигнул.

Брюнетка, Лель, похоже, давно была свидетельницей подобного поведения брата к сестре, поэтому вдруг отбрила:

— Боишься чарами до соседней башни не дотянуться? Ирман, оставь. Вся академия уже в курсе, что ты не смог приворожить новенькую.

— Т-ш-ш, — рыжая Ири дернула Лель за рукав. — Не ссорьтесь опять.

У брюнетки взгляд пылал, когда она смотрела на Ирмана. Такое ощущение, что она его либо дико ненавидит, либо... Он ей нравится!

— Ири, у тебя такой длинный язык.

— Я просто чувствую тебя, ты же знаешь. Ты тогда и мой резерв опустошил, девочки помогали прийти в себя. Конечно, они в курсе, что произошло.

И Лель и землянка Света осуждающе посмотрели на братца Ири. Похоже, он залезал в резерв к сестре уже не первый раз. Надо же, бывает такая связь? Она у всех братьев и сестер?

— Я тогда немного силы не рассчитал, — стрельнул взглядом в сестру рыжий, а потом повернулся ко мне: — Лёлик, тебя еще никто не знакомил с академией, так? Давай я покажу.

Лелик. Меня так только папа называл, поэтому от такого обращения я нервно вздрогнула. Впрочем, как и Лель. Наши взгляды встретились. Брюнетка ревновала. Похоже, Лелик — вариант обращения к ней близких, раз она вспыхнула. И еще она увязла в чувствах к Ирману по самые уши.

Я посмотрела на рыжего. С одной стороны вот оно — приглашение, которое позволит узнать не только об академии, но и о том, как Ирман оказался втянут в эту подставу с зельем и какое

отношение имеет к Женеваеве. А еще, так как он пятикурсник он может помочь мне в будущем с тем, как снять чары с отца.

Но какой же он противный! И ладно бы это. Лель не простит — я видела это по ее взгляду. И пусть мы знакомы всего ничего, мне не хотелось задевать чувства девушки.

Я повернулась к Ирману, который ждал ответа с такой улыбкой, будто не сомневался в моем согласии.

— Вернуть должок я могу и тут, если хочешь. Боюсь, только ты не выдержишь второе унижение за сутки.

Ирман покраснел до луковиц волос. Со скрежетом отодвинул стул и ушел, не прощаясь.

— Зацепила ты его, бедная, — вдруг сказала молчаливая Света.

— Почему это бедная? — я продолжила есть, как ни в чем не бывало. С сестрицами я научилась есть, даже когда в горле ком обиды и слез, а тут тьфу, пустяк.

— Потому что ведьмак не отстанет. У него профиль — привороты. Он в этом лучший. Ни одной неудачи. От него никакие артефакты не помогают, вон, Лель до сих пор колотит при виде него, а всего лишь поцапались, а тот легонькую ворожбу сделал.

Я с удивлением посмотрела на брюнетку. Так вот что это за коктейль любви и ненависти был во взгляде!

— Так тебе он искренне не нравится? — спросила у Лель.

Если так, то я все еще могу попытаться прощупать через него прошлое Женеваевы.

— А что? Передумала? — слишком колко ответила брюнетка. Слишком эмоционально для той, что только приворожена.

— Нет. Просто хочу понять, я же новенькая, — улыбнулась я добродушно.

Я для себя решила не связываться с Ирманом, но парень решил иначе. Стоило мне выйти из столовой, как он перегородил дорогу.

— Пойдем, покажу брешь в защите, чтобы в город выйти. Официально в первый год тебе запрещено покидать территорию академии, но может быть экстренная ситуация. Так, Лелик?

— Не называй меня так. Ольга. Самое больше — Оля.

Рыжий хотел поспорить, но посмотрел на меня и подмигнул:

— Ладно. Ну так что, показать?

— Не надо.

Я попыталась вспомнить, где расположен магазин при академии. Завхоз говорила об этом или нет? Ладно, пойду по широкой окружной дороге. думаю, найду.

Ирман не отставал. Он упрямо шел рядом, как бы я не старалась его игнорировать, и рассказывал местные байки про каждый факультет.— Знаешь, почему боевики в розовом?

Вот же рыжий! Знает, чем зацепить интерес. Я же теперь живу с боевиком, мне очень любопытно все, что касается его.

— Почему?

— Заклинание! Просто кое-кто перешел кое-кому дорогу, — Ирман при этом выглядел так раздуто, что я предположила:

— Твоих рук дело, что ли?

— Не моих, но... — он наклонился и прошептал на ухо: — Но близко. Только не говори никому, это секрет.

Ага, значит, ведьминский факультет постарался. Понятно.

— Легко же ты разбалтываешь секреты.

Я планировала забежать в показавшийся недалеко магазин и избавиться от навязчивого внимания Ирмана, но тут он вдруг сказал:

— Так ты своя. Ты же знаешь, что я ученик Женевьевы?

— Что?

— Не знала? Причем, заметь — лучший ее ученик. Она ас в приворотах, я лишь чуть-чуть ей уступаю, — Ирман был безумно самоуверен.

Мимо прошла Лель, обернулась, посмотрела на меня так, будто готова убить.

Судьба словно сама подталкивала меня к нужной информации, но какой ценой?

Впрочем, судя по всему, на какую дорожку не ступи, все равно обижу. Не одно, так другого. И раз Лель уже записала меня в свои враги, я лучше побыстрее узнаю от Ирмана все, что нужно и прерву общение.

Я посмотрела на рыжего, задрав голову:

— А ты такие же привороты делаешь, как Женевьева? Которые не снимаются?

— С чего ты взяла, что ее привороты невозможно снять?

— Она сама говорила. Вот такой же, какой ты тогда применял. Словом, — я даже дышать перестала после того, как сказала это, во все

глаза глядя на рыжего.

Надежда нетерпеливо покалывала легкие.

— А! Сильный приворот, но его нужно постоянно обновлять.

— А если не обновишь?

— Сначала будет дикая ломка, а потом наступит озарение. Вот только тонкость есть.

— Какая? — Я даже на цыпочки встала, боясь пропустить хоть слово.

— А вот это я тебе скажу вечером. Приходи вот сюда, — и Ирман сунул мне в руку лист, а потом ушел, даже не оборачиваясь.

У меня не было сомнений, что он хочет со мной расквитаться. Пойду — окажусь в опасности. Но что же делать, если он может помочь мне вернуть отцу трезвый ум?

Когда я вернулась в комнату в общежитие, то застала преинтереснейшую сцену. Мор сидел на кровати, оперся локтями на колени и держал голову рукой, будто в приступе невероятной головной боли, а над ним стояла чопорная женщина в строгом костюме с галстуком. Короткие волосы уложены волосок к волоску, светлые глаза лишь на секунду остановили взгляд на мне, а потом внимание вернулось моему соседу.

— Мор Эннет, внутреннего ребенка надо выпускать! И не нужны будут ваши защитные руны и отдельная комната. Послушали бы меня и давно жили бы как все боевики в казарме.

Я прям вместе Мором прониклась перспективой. А еще ее высоким голосом, резкими движениями и мечтательной пеленой в глазах. Казалось, она сама была не прочь жить с боевиками в казарме.

— А вы новенькая адептка Ольга Ли? Приятно познакомиться. Я Идан Теер, психолог.

Психолог, который держится ни на одном уровне с пациентом? Мор сидел, а она стояла. Интересненько.

— Да, это я. Приятно познакомиться, — ответила вежливо, и тут же оказалась в крепких объятиях педагога.

— О, детка! Я знаю, как тебе пришлось тяжело без матери. Отцовская любовь тебя просто задавила. Он не давал тебе провести ни минуты без него. Постоянно на контроле, постоянно допросы где и с кем. И ты очень рада вырваться в академию, чтобы подышать свободой.

Психологиня не спрашивала, она констатировала выдуманные на ходу факты, все теснее сжимая в объятиях.

— Но только не бросайся во все тяжкие, Ольга Ли! Тем более в нынешних... — женщина выпрямилась, выпуская меня из железной хватки, и продолжила, обернувшись на Мора: — ... обстоятельствах проживания. — Ты уже открывала порталную шкатулку? Видела свое расписание?

Я замотала головой, боясь сказать ей хоть слова. Она же может трактовать его против меня, а это счастье мне точно не надо.

— Нет? Смотри скорее! Ты же поступила одной из последних. Сегодня приветственный ужин с ректором. Не пропусти.

Сегодня вечером?

Я открыла шкатулку, достала расписание и прямоугольник пригласительного.

Как я и думала — закон подлости в действии. Время ужина и время встречи с Ирманом совпадало минуту в минуту.

— Счастливый часов, адепты. Заглядывайте ко мне на огонек. Кабинет с зеленой дверью. Его знают все.

Вот странная женщина. Сказала бы точнее, но нет.

В потайном кармане накидки завозился Любка. А я уже про него и забыла.

— Любка, ты все слышал? И что мне делать?

— Уж точно не идти на прием к мозгоклюйке.

— Да я не о том, — я попыталась говорить как можно тише, чтобы не привлечь внимание Мора. — Ты не знаешь, явка на ужин обязательная? Как-то контролируется?

Птиц клюва раскрыть не успел, как ответил боевик:

— Явка обязательна.

Вот же! Есть большая вероятность, что сегодня я могу получить ключик к самому главному решению вопроса. Я же и в академию поступила ради этого.

— А выгнать за неявку могут?

— Выгонят не выгонят, а выговор получишь.

Тогда решено.

Глава 6

Я пришла за двадцать минут до назначенного часа, рассчитывая на чудо. Вдруг, удастся успеть и в беду не попасть, и на ректорский ужин, и с Ирманом встретиться?

Удача не больно-то улыбалась мне по жизни, поэтому я порядком удивилась, увидев Ирмана так заранее.

Рыжий, казалось, тоже нервничал, но стоило ему увидеть меня, как самодовольная ухмылка тут же перебила все хорошее впечатление.

— Пришла!

Значит, не особо верил в это?

— Да, — Я оглянулась по сторонам, ища ловушку.

Обозначенное место на карте было в самом темном углу академического сада. Здесь поросль плюща на заборе была настолько плотной, что казалось, преграда состоит только из него. Спрятаться там не составило бы труда. А вот в розарии вряд ли. Он красивый, густой, но больно колючий для засады. К фонтану, рядом с которым стоял Ирман, я подходила с особой осторожностью. Что, если он туда зелье влил и готовится искупать меня в нем с головой?

— Итак, какие у тебя условия? — спросила я, останавливаясь от парня в трех шагах.

То, что они будут даже не сомневалась.

— Ты сильно повредила моей репутации. Знаешь?

— Что-то слышала. Хочешь отыграться? — Я напряглась так, что спина заныла.

— На тебя мои чары не действуют, зелья тоже.

— Зелья?

Когда успел проверить?

Видимо, на моем лице было все написано, потому что рыжий пояснил:

— Влил тебе во время обеда. Как видишь, ты еще не висишь у меня на шее.

Я с шумом втянула воздух через зубы, стараясь не сорваться.

И много Ирман девочек так приворожил? Бедняжки.

— Привороты на адептах не запрещены? Упущение!

— Что-то запрещено, а что-то и разрешено, — Ирман сделал шаг ко мне. — Но дело не в этом. Все знают, что моя магия работает всегда. Меня даже в рейды боевики берут. У меня выпускной год.

Обещают хорошую должность, и тут появляешься ты. И во мне начинают сомневаться. Так ли я хорош? Понимаешь меня?

— К чему ты клонишь?

— Ты влюбишься в меня. Будешь изображать внезапно вспыхнувшие чувства, а я помогу тебе с твоим вопросом.

— Ты знаешь мой вопрос?

— Если я правильно догадался, то Женевьева приворожила кого-то важного для тебя, и ты хочешь снять чары.

— Да. И ты сказал, что достаточно того, чтобы они не видели друг друга и не общались. Верно?

— Да, но стоит им увидеться снова, и все начнется заново. Совсем ненадежно, верно?

— У тебя есть что мне предложить, не так ли?

— Верно, — Ирман достал из кармана золотое семечко, показал мне его двумя пальцами. — Это семя пресцинии пестроцветной. Говорят, что если капнуть на него кровью мага, что невосприимчив к приворотам, съевший это семя на год приобретет иммунитет к приворотным чарам.

Я глаз не сводила с маленькой вероятной спасительницы.

— А если ты врешь?

— Тогда ты прекратишь притворяться.

— Нет. Давай так: если семечко подействует, то я целый год буду изображать по уши влюбленную в тебя первогодку. Но если ты соврал, то я целый год буду позорить тебя на каждом углу.

Я внимательно следила за выражением лица Ирмана, но он не дрогнул. Наоборот, кивнул, будто соглашаясь с достойным противодействием лжи.

— По рукам.

— Но как я скормлю семечко отцу, когда я не смогу целый год выходить?

— Даже если я вытащу тебя в город, это будет для тебя опасно. Твоя магия нестабильна, только открылась, и это может привести к неприятным сюрпризам. Поэтому у меня для тебя предложение: до Изумрудного бала я найду действенный способ, чтобы нужный человек съел антидот и принесу доказательства. Тогда на Изумрудный бал мы пойдем вместе.

Ирман положил семечко на свою раскрытую ладонь:

— Капни свою кровь, а я найду способ. Может быть, даже завтра. Изображать влюбленную девицу год ради того, чтобы вернуть себе отца? Легко! Но что, если я капну кровь в это семечко и попаду в его ловушку?

Мор брал с меня магическую клятву. Значит, это что-то да значит в этом мире.

И тогда я тоже решила потребовать:

— Магическая клятва!

Все-таки кровь — дело серьезное.

Ведьмак молчал так долго, что я уже почти убедилась — меня решили надуть.

— Давай. — Ирман протянул мне руку.

И правда пошел на магическую клятву! Да еще какую — все вокруг сверкало во время закрепления обещания. Интересно, почему так с Мором не было?

Может, дело в разных силах? Как плохо, что я в этом не разбираюсь. Но раз Ирман пошел на клятву, значит, и для меня обратного пути нет.

Я капнула кровью на семечку, а у самой затряслись руки от одной мысли, что у меня получится вернуть себе отца. Правда?

Даже если это был только шанс, я была рада. Надежда — вот что я давно не испытывала, одно тупое отчаяние.

Темное семечко впитало алую каплю как губка и порозовело.

— Так и надо? — насторожено спросила я.

— Да.

Ирман бережно убрал семечку в потайной карман плаща и подмигнул.

— Раз ты сама настояла на магической клятве, то с момента того, как капля крови впиталась в семечку ты моя.

“Моя” резануло слух. Очень. Я даже поморщилась, что не осталось незамеченным Ирманом. Он нахмурился.

— Понарошку “твоя” я буду после того, как ты выполнишь всю сделку и мой отец съест это семечко.

Рыжий криво усмехнулся:

— Вредная ты. Точно ведьма. Хотел растянуть это дело, но ведь ты же меня в покое не оставишь. Жди здесь!

И Ирман подошел к увитой зеленью стене. Плющ, вторя движению рук ведьмака, разъехался в стороны, открывая дыру.

— Не двигайся, — еще раз предупредил он. — Никуда не уходи.

И исчез в дыре. Я только успела заметить, как едва заметная волна пошла по ранее невидимому защитному куполу академии.

Я простояла так минут пять, когда Ирман вновь появился.

— Смотри!

Он достал черную прямоугольную коробочку и открыл ее. С одной стороны был камень, с другой — зеркало. И именно на нем пошла рябь, а после я увидела отца.

— Как раз к ужину успели. Я подкинул твой подарок ему в еду.

Отец сидел за столом с сестрицами, какой-то осунувшийся, но с совершенно дурной улыбкой. Мачеха была занята у плиты — у нее что-то жутко сгорело так, что валил дым. И папа при этом смотрел на нее и умилялся. И как я раньше не замечала, что это даже выглядит ненормально?

И тут отец положил вилку с пюре в рот, проглотил, а через секунду его глаза будто перестали быть стеклянными.

— Ирма! — я вцепилась в рукав ученического пиджака. — Это оно?

— Оно! — гордо улыбнулся он, глядя на меня немного свысока.

Плевать! Если он это сделал — почти бог. Я так долго этого ждала!

Я во все глаза смотрела, как отец часто-часто моргает и оглядывается по сторонам, будто оказался в незнакомом месте. И все больше хмурился.

— Где Оля? — вдруг вскочил он с места.

— Как где? В академии! — ответила тетя Женя, отдирая что-то черное от сковороды.

Сейчас она меньше всего напоминала ведьму, которую стоит бояться.

Отец тут же взял телефон и прислонил к уху.

— Почему телефон недоступен?

— Там запрещены средства связи. Увидишь свою дочь через год. — Женевьева почуяла неладное: медленно отложила сковороду и подошла к отцу. Положила руки ему на плечи, но он тут же скинул их.

Несколько секунд абсолютной растерянности мачехи стоили всех моих жертв! Она выглядела такой потрясенной, что я расплылась в улыбке.

— Где моя дочь? Куда ты ее послала, змея? Не понимаю, что со мной вообще было. Послушай меня: если завтра Оля не будет дома...

Я слушала и таяла. Музыка, а не ор!

Папа хочет меня видеть! Папа соскучился!

— Ирман, мне нужно домой! — засуетилась я.

Рыжий посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Нельзя. Тебя никто не выпустит.

— Но папа! Ты видишь, он требует меня!

— Это теперь проблемы твоей мачехи. А ты на год моя. Помнишь?

Неожиданно изображение в зеркале дрогнуло. Ракурс сменился и сфокусировался только на мачехе. Она повернула голову и будто посмотрела прямо на нас.

— Оля! — крикнула Женеваева, и я вздрогнула.

Ирман тут же закрыл зеркало.

— Ну вот. Твой отец свободен. Только нас засекли.

— Не важно. Главное он теперь вернулся! Мне тоже пора домой, — я закружилась на месте, соображая, что мне нужно. Наверно, отчислиться, так? Это к ректору?

— Ты куда собралась?

— Домой.

— Как минимум год ты туда не попадешь, Оля. Клятва, помнишь? Только со мной ты сможешь навестить семью, если будешь хорошо себя вести и я буду доволен.

Эйфория смешалась с чувством, будто меня облапошили.

— Папа год будет сам собой, а я это время должна провести вдали от него?

— Ты сама потребовала поклясться.

Вот же! И зачем я только это сделала! В голове было только желание снять с него магию, и я не подумала, что жутко захочу его тут же увидеть. Нормального его.

Я посмотрела в зеленые глаза ведьмака:

— Семечко действует год? А если через год Женеваева опять вернется к нему?

— Тогда ты можешь сдать. Или хорошо учиться, ч в академии, чтобы суметь ей противостоять и не дать твоему отцу снова попасть под чары.

— А я позднее еще смогу посмотреть за папой через твое зеркало?

Ирман хитро улыбнулся:

— Все обсуждаемо. Всему есть своя цена. — Он посмотрел на небо: — Еще успеваем.

— Куда?

— Показать всем, насколько ты от меня без ума. Должны успеть как раз к ректорской речи, — Ирман схватил меня за руку и потянул за собой.

В огромный церемониальный зал мы ворвались через одну из множества дверей как раз к словам ректора. Он стоял на балконе, словно император над своими подданными, обращаясь к скучающим адептам, сидящими за столами. На нас сразу покосилось множество глаз. Пробежал шепоток, а потом, то тут, то там, зазвучали довольные смешки парней. Я поймала на себе несколько взглядов: “Ну-ну, и ты попалась”.

Ирман потянул меня на ближайšie свободные места. Казалось, что адепты за столами рядом нашли новое развлечение — нас с ведьмаком.

Рыжий наклонился ко мне и шепнул на ухо:

— Напоминаю: ты без ума от меня!

Я проглотила комок в горле, закрыла глаза.

Обещание есть обещание. Ирман так быстро помог отцу, что я до сих пор не верила. Теперь моя очередь отдавать долг.

Я открыла глаза и встретилась взглядом с Мором. Он стоял за парнем, что сидел напротив, и смотрел на меня так, будто хочет прибить. Этот самый паренек быстро сообразил, что к чему, и исчез. Впрочем, как и двое его соседей по скамье.

Мор сел. Он молча смотрел на меня и Ирмана, что продолжал шептать мне на ухо о том, что я должна сдержать обещание, иначе я получу магический откат. И я его получила! Холод в один миг сковал тело, будто предупредительный выстрел в воздух.

Я силой заставила себя отвернуться от Мора и улыбнуться рыжему. Не помню, что спрашивала у Ирмана, но я очень старалась

щебетать ему на ухо самые страшные глупости мира с самым милым выражением лица.

Ректор все говорил и говорил. Адептам даже наша парочка надоела — все откровенно зевали.

Неожиданно дверь, через которую мы вошли, открылась. В дверях замерла Женевьева в строгом платье, гордо подняла подбородок и скосила на меня взгляд.

Как хорошо, что у меня иммунитет к проклятиям, иначе мне не жить!

— Что она тут делает? — Ирман тоже напрягся.

Ему тоже достался уничтожительный взгляд моей мачехи.

Вдруг прямо передо мной стол покрылся слоем пыли. Стали появляться слова:

“Ты еще пожалеешь, что сделала это”

И тут же стол стал абсолютно чистым. Кажется, меня ожидает очень веселый учебный год!